

Сов. Эстония. Таллинн, 1985, 30 марта

РОЛЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ

— Инна Михайловна, что значит для актера — роль?

— Это возможность открыть другого человека. И возможность открыть себя. Когда актера упрекают в том, что он все время говорит «от себя», то имеют в виду, что он заштампован, что арсенал его актерских средств очень беден. Ведь иначе чем «от себя» актер говорить и не может, это абсолютно естественно — говорить «от себя». Человек — фигура настолько емкая, вселенская, что целиком ни в одну роль войти не может. Какая-то часть его — здесь, какая-то — там.

Но есть привычка восприятия. И есть иллюзия знания себя. Иллюзия — подчеркиваю. Потому что истинное знание приходит только с жизнью, с опытом, заставляющим делать выбор в разных обстоятельствах: как ты поступишь — так или иначе? что выберешь? на чью сто-

рону встанешь? Только тогда постигнешь истинный свой характер, осознаешь, на что ты годен. Может, внешне этого и не покажешь, а реально для себя поймешь: здесь ты буксуешь; или — здесь правильно поступил, хотя, может, и бессознательный был порыв.

— Вы себя наблюдаете?

— И нет и да.

— То есть роль для вас — производное от жизни?

— Роль — та же жизнь.

— Но отличия существуют?

— Конечно. Не знаю, как бы я открылась в войну — не дай бог, конечно. Не могу представить, что могла бы убить человека. А в роли приходится понимать человека, совершающего убийство. Это поиск абсолютной правды — поведения другого человека. Как он будет выходить из

того или иного положения? Почему один не может совершить подлость, а другой не просто делает, но еще и оправдывает себя: у меня дети, или ская. Два разных человека — а ты играешь и того, и другого.

— «Понять — значит простить» — здесь, наверное, этот расхожий афоризм не работает?

— Простить? Грех пришлось брать на душу — когда мужу порошок смертельный предложила.

— Васса?

— Васса. Я ее оправдываю полностью, понимаю, почему она это сделала, но понимаю и то, что она грешница. Есть ведь и другой путь — испытать всю тяжесть того, что содеял муж, перенести весь позор, но не допустить и мысли, что он умереть должен, даже во имя детей. Но она предложила ему порошок и я, актриса, понимаю, почему.

— Это вас мучает?

— Меня многое мучает. Если бы люди умели читать мысли друг дру-

га, вся жизнь бы по-другому пошла, без обмана. Правду бы все говорили.

— Тогда и говорить бы не надо было, если в мыслях читать.

— Тоже правда. Жить стало бы сложнее, но и легче.

— Что для вас сейчас самое болезненное в жизни?

— Больше всего на свете не хочу войны. Только живой может задуматься о том, как жить, чтобы были горизонты, перспектива, чтобы будущее вселяло надежду. Я верю, что мир от катастрофы спасет женщина. Любящая женщина. Мать. Только надо ее беречь. А то ей, бедняжке, слишком много приходится тащить на своих хрупких плечах.

— И чем ей труднее, тем необходимее умение владеть собой и быть в ладах со временем...

— Убеждена, что нужно готовить себя к старости. Чтобы прийти к этой поре человеком нужным — и людям, и собственной семье. А не изношенным, не обремененным, брюзгливым, бесконечно считающим, чего ему не дали общество и близкие. Примеров таких, к сожалению, сколько угодно вокруг, от таких людей шарахаются, а они обижаются и становятся все агрессивнее. А вот не распускаться, находить силы понять, помочь — этому учиться нужно. Об этом нужно думать с юности. Я удивляюсь, когда вижу со сторо-

ны молодых пренебрежение к старикам — как будто им гарантирована вечная молодость, как будто к ним не придут болезни и утраты. Мне кажется, что если молодой человек понимает стариков, то и сам он, постарев, поймет молодых. Жизнь ведь — дистанция длинная, ее всю надо достойно пройти, душу живую сохранить, доброту не растерять.

— И выигрывает на этой дистанции...

— ...тот, кто сохранил в себе ребенка. Человек с возрастом меняется, и не просто внешне — душа устает. Такие мозоли нарастают, что пробиться к месту, где в душе сохранилась способность к удивлению, состраданию, очень трудно.

— А в себе перемены вы ощущаете?

— Конечно.

Раньше была абсолютная вера в святость того дела, которое выбрала, в то, что оно всем нужно. А сейчас знание рождает размышления и даже сомнения — действительно ли нужно? И кому? Я считаю, что искусство должно быть правдивым. Но чувствую, что какой-то части зрителей не нужна правда, им нужна сказка. Они не хотят знать правду о том, как они сами живут, не хотят видеть этого на сцене, не хотят размышлять над этим. Они жаждут видеть, как живут красиво. Но я-то к своему делу

отношусь не как к развлечению в урочное время, а как к вовлечению в круг мыслей о главном: почему человек изнашивается? Как научиться жить лучше, правильнее, красивее? Как не потерять себя в потоке дней?

— Это очень, очень важные для меня вопросы.

— Но люди ведь и смеяться хотят.

— Конечно, и я прекрасно понимаю, что на встрече Нового года не проводят диспуты о самодисциплине. Я сама смеяться люблю, да без смеха, без юмора жить нельзя. Но иногда ведь и помолчать нужно, и тихо посмотреть в глаза друг другу.

— А что вас радует в жизни?

— Слава богу, в жизни есть то, чему не перестает удивляться. Талантливые люди, с которыми выпала удача не только встретиться, но и познакомиться. Талантливые партнеры на сцене и в кино, и, конечно, ребенок, сын Ванечка, и все, что с ним связано. Жизнь для меня не долг и не мука, хотя без них ее тоже нет.

Беседу вела
Э. КЕКЕЛИДЗЕ.